

Наталия Волкова

~

ПЕРПЕТУУМ-МОБИЛЕ

— А-а-а, больно, жжется! — Герка отдергивает руку с лупой от своей покрасневшей коленки.

Мы сидим на парапете на крыше пожарной станции и смотрим на проносящиеся внизу машины. Герка принес из дома бабушкину лупу, стащил тайком, и теперь ловит солнечные лучи. Сначала пытался поджечь фантик, а теперь держит над голой коленкой.

— Хочешь, чтобы волдырь был? — спрашиваю.

— А пусть и волдырь. — Герка отбрасывает лупу и лезет в рюкзак за школьной тетрадкой. — Самолетки умеешь складывать?

Вот в этом он весь. Я никогда за ним не успеваю: только что собирался изобретать вечный двигатель, перпетуум-мобиле, запасся проволокой, металлическими шариками, подставку под книги за чем-то раздобыл... А через день уже говорит, что перпетуум-мобиле, физика, механика — это все не для него. Он мечтает наблюдать за муравьями. И вот он уже собирает муравьев, сажает в банку, строит для них муравьиную ферму. Ни дня не прошло, чтобы у Герки новое увлечение не появи-

лось. И с какой же легкостью он отбрасывает все старое.

— Сам ты перпетуум-мобиле, — сказала я ему. Ну а как его еще назвать?

Он обиделся.

— Я просто увлекающийся.

Нет, не просто. Вот сейчас он складывает самолетик, я подхожу и тоже вырываю из тетрадки листочек в клеточку. Сажусь рядом на корточках.

— Смотри, — говорю, — крылья складывай к середине, а то не полетит.

Герка торопится, его самолетик получается кособоким, нос вышел не острым, а каким-то квадратным. Но ему уже не терпится запустить самолет, и он вскакивает на парапет и замахивается. Самолетик резко стартует, но тут же возвращается по дуге назад и плюхается плашмя на плоскую крышу пожарной части. Я аккуратно отгибаю крылья своего самолетика и тоже подхожу к краю крыши. Плавным движением запускаю его вдаль. Он взмывает вверх, потом воздушный поток подхватывает его и выравнивает параллельно земле, и вот он уже летит над потоком машин, дальше и дальше к парку, превращаясь в маленькую точку. Я поворачиваюсь к Герке:

— Видел?

Но он ничего не видел. Он уже комкает тетрадные листы и пуляется ими с крыши, как снежками.

А кособокий его самолетик так и лежит, распластавшись на бетонной плите. Я подбираю его, расправляю и снова аккуратно складываю. Протягиваю Гере.

— Попробуй, может, твой дальше полетит?

Герка резким движением запускает самолетик, и тот действительно летит ровно и красиво. Но до парка не долетает.

— Круто! — говорю я.

Мы снова сидим на парапете и болтаем ногами.

— А мы уезжаем, — говорит вдруг Герка.

Я молчу. Они часто уезжают. У Герки отец — предприниматель, иногда они по несколько месяцев живут то в одном городе, то в другом. Герку переводят тогда на заочное. Иногда он к нам на уроки онлайн подключается, и тогда у нас в классе появляется Геркина голова на экране. Но и там он спокойно сидеть не может, все время вертится: то под стол спрячется, то шапку какую-нибудь идиотскую нацепит. Мы, конечно, смеемся, а Олег Николаевич сердится на Герку и выключает экран. Поэтому в последнее время если он уезжает, то просто контрольные и зачеты письменные сдает, а на уроки к нам не подключается.

— Мы навсегда уезжаем, — добавляет Герка и смотрит мне прямо в глаза.

Я и не помню, чтобы он когда-то смотрел так.

У Герки взгляд обычно такой... ищущий: он вечно ищет, что бы ему сделать, чего он раньше не пробовал.

Олег Николаевич, наш классный, называет его «беспокойная голова профессора Доуэля». Герка даже на уроке в классе умудряется совершить сто двадцать пять дел. Однажды мы занимались в кабинете химии, хоть химии у нас еще в программе нет. Там на партах посередине — круглая дыра. Как объяснил Олег Николаевич, она для тазика, в который реактивы складывают. Герка, конечно, не мог пройти мимо. Как только Олег Николаевич отвернулся к доске, он полез под стол и сунул голову в дыру. Вот тогда Олег Николаевич и назвал его «Голова профессора Доуэля». Правда, не сразу. Сначала он обернулся, оценил картину и стал орать. А когда понял, что голову Герка вытащить при всем желании из парты не может, стал орать еще сильнее. Потом началась кутерьма, прибежала завуч, директор. Потом пришел трудовик и распилил парту лобзиком. И вот, когда освобожденный Гера уже сидел наказанный в конце класса, Олег Николаевич рассказал нам про профессора Доуэля и его голову.

— Как навсегда? — не понимаю я. — Куда?

— В Ереван. А потом в Грузию.

Ну а что я хотела? Чтобы он постоянно был со мной? Чтобы я вот так сидела с ним рядом и ждала, что еще придет ему в голову? Он же перпетуум-мобиле. Вечное движение. А про меня он, наверное, и не вспомнит завтра, отбросит, как ненужный самолетик, как

надоевшую муравьиную ферму. Найдет в Ереване новых друзей, а потом забудет и их. Потому что поедет в Грузию. А может, и еще куда-то понесет Герку по жизни. Я за ним все равно не успею.

И вдруг Герка берет меня за руку. И смотрит тем самым новым взглядом. И глаза его не блуждают.

— Не хочу, — говорит он, — хочу вот так сидеть на крыше с тобой и пускать самолетики.

Я опустила глаза: все-таки обжег он себе коленку, вон волдырь появился.

— А давай бросать попрыгунчик? — вдруг подскочил Герка и достал из кармана мячик.

Перпетуум-мобиле...